12+

ЗВЁЗДНЫЙ ОРАКУЛ АТЛАНТИДЫ

Роман о счёте, памяти и последнем флоте

Дмитрий Ганин

Дмитрий Ганин

Звёздный оракул Атлантиды

«Издательские решения»

Ганин Д. А.

Звёздный оракул Атлантиды / Д. А. Ганин — «Издательские решения»,

Древняя Атлантида стоит на живом основании, которое дышит под городом в такт приливу. Старый звёздочёт Ксанд замечает, что небо начало опаздывать — а значит, остров обречён. За правду его лишают имени, и тогда он, его дочь-навигатор и правитель города идут к спасению каждый своим путём: старики считают, навигатор ведёт флоты за океан, а бывший обманщик впервые говорит городу правду. Когда вода приходит в чужой день, у людей остаётся одно сокровище — счёт, который нельзя утопить.

© Ганин Д. А.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА 6
ПРОЛОГ. ОПАЗДЫВАЮЩЕЕ НЕБО 7
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ГВОЗДЬ 8
ГЛАВА ВТОРАЯ. ОДИННАДЦАТЬ ФЛОТОВ 12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. МЕДНЫЙ ГОЛОС 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Звёздный оракул Атлантиды

Дмитрий Анатольевич Ганин

© Дмитрий Анатольевич Ганин, 2026

ISBN 978-5-0071-5755-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Эта книга выросла из одного вопроса: как предупредить слепых, когда каждый шаг к спасению стоит тебе места в мире, где ты жил? Я не стал искать ответ в истории или мифе — я искал его в ремесле. Всё, что делают герои этой книги, — работа: замерить, записать, передать. И никогда — не отозвать сказанного.

Мне хотелось написать книгу, где герои говорят на счёте, как мы говорим на языке. Ксанд считает небо, Метр — воду, Дана — курс, Идан — паузу. И когда мир начинает проваливаться, их спасает не вера и не сила, а дисциплина: тот, кто честно ведёт счёт, рано или поздно видит разрыв — даже если никто не хочет его видеть.

Основание, которое дышит под городом и «помнит вперёд», — не фантастика ради фантастики. Это способ сказать о памяти, которая старше нас: о том, что земля, вода и камень ведут свой счёт — и однажды просят нас его продолжить.

Если после чтения вам захочется поставить чашу с водой на порог — я не против. Только помните: чаша в этой книге не примета, а завещание. Мера переживает всех, кто её держит. Спасибо, что дочитали до последней строки. Считайте.

ПРОЛОГ. ОПАЗДЫВАЮЩЕЕ НЕБО

Атлантиду нельзя было увидеть целиком — и поэтому её считали.

Так думал Ксанд, звёздный оракул, сорок два года лежавший на спине на обсервационной плите. Город лежал на десяти кольцах — три земли, три воды, три меди, — и ни одна башня не брала его всю сразу: глаз отказывался, как отказывается глаз моряка на краю горизонта. А звёзды отказывались не сразу. Они брали всё — медленно, по одному прохождению за ночь, — и за сорок лет Ксанд собрал город целиком: не в камне, не в чертеже — в счёте. Он знал Атлантиду наизусть, как слепой читающий знает страницу.

Он и назвал себя слепым — в тот год, когда заметил опоздание.

Началось с малости, с которой не советуют начинать больших дел. Тонкая нить, проходившая через видимую щель в восточном кольце, в ночь осеннего равноденствия должна была пересечь медный гвоздь на краю плиты. Не пересекала. Дошла до гвоздя — и остановилась: опаздывала на время одного удара сердца. Ксанд был стар и знал себя; удар сердца — его сердце — он мог посчитать и ночью и днём. Он посчитал четырежды за ночь. Опоздание держалось.

Он был не мальчик, чтобы переписать таблицу. Он был оракул: оракулы не переписывают — оракулы спускаются к колодцу и смотрят.

К колодцу шёл через Верхний город, мимо писцовой школы, мимо стелы с именами звёздочетов, — и на стеле, на третьей строке, Ксанд остановился.

Строка была выскоблена.

Не выемка: выскоблена — ровно, старательно, до последней стружки, так, как скобят то, что было там сорок лет, и не скобят ничего, что было там прежде. Дед. Учитель. Второе имя до деда — тоже. Три имени подряд. А дальше по стеле — всё цело: имена, дела, год жительства, общественные работы.

Ксанд смотрел на выскобленное место и понимал то, чего не понимал ещё никто в городе.

Звёзды не опаздывали.

Звёзды были вычеркнуты.

Он шёл дальше — и по дороге, у водосброса четвёртого кольца, услышал его: не толчок, не дыхание — слово. Короткое. Одно слово, сказанное ночью, с того края мира, куда не доходят корабли: слово, которого не было ни в одном языке Атлантиды, — и которое Ксанд понял целиком, потому что слово это было его собственное имя.

— Ксанд.

Он остановился.

Он знал, кто говорит. Он знал по тому, как звучало: не через воздух — через счёт. Тот, кто звал, звал не голосом: звал опозданием, которого уже не спрячешь в таблицы.

Ксанд посмотрел на небо. Небо смотрело на него — всё, сразу, без интереса, как смотрит то, что не имеет глаз.

И в этот миг, впервые за сорок два года, оракул не захотел спускаться к колодцу.

— Я иду, — сказал он в темноту. — Но ты ответишь на мой вопрос первый. Сколько осталось?

Небо молчало так долго, что плита под подошвами успела остыть.

И ответило — не словом: числом. Одним числом, названным по слогам, как называют то, что никогда не назовут дважды.

Девять лет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ГВОЗДЬ

В Доме Неба было тридцать семь медных гвоздей — и Ксанд знал их все по именам.

Так было заведено при его деде: каждый гвоздь в краях обсервационной плиты носил имя — не человека, звезды, через которую он проходил в свой год. Гвоздь Пастуха. Гвоздь Быка. Гвоздь, до которого нить доходила в самую длинную ночь. Имена эти писцы вырубали на медной пластине под плитой, и пластину обновляли при каждом новом звёздочете — так Дом Неба хранил непрерывность: звёздочеты умирали, гвозди не менялись, и счёт шёл сквозь смерти, как вода сквозь кольца города.

Ксанд вносил опоздание в таблицу в тот же день, в который получил его от неба.

Это было ремеслом, а не безумием, — и потому он сделал всё, как положено ремеслу. Взял чистую табличку. Взял резец. В колонку года, в строку равноденствия, записал: нить — гвоздь Быка: отставание — один удар сердца. Измерено четырежды. Наблюдатель: Ксанд, сын Аска, звёздный оракул Дома Неба.

Он не думал, что делает сенсацию. Он думал, что делает запись. Так делают счётчики: счётчик не решает, приятна ли запись, — счётчик вносит её и передаёт дальше. Табличку следовало отнести старшему писцу Дома, старший писец сверял её со своей, и разногласие решалось вторым измерением в присутствии свидетелей. Это был порядок. Ксанд любил порядок больше, чем любил людей, — и потому не заметил, что идёт по Верхнему городу с табличкой, как идут с огнём в амбаре.

Старший писец Тей прочёл строку дважды.

— Один удар сердца, — сказал он.

— Один. Моего сердца. Я замерил ритм днём, ночью и в колодце. Разброс не превышает доли.

Тей положил табличку на стол — осторожно, как кладут вещь, от которой может пойти трещина по столу.

— Ксанд. Небо не отстаёт. Небо может опоздать не больше, чем море может пойти назад. Ты сорок два года держал счёт, за тебя не было ни одной пометы. И теперь ты приносишь… удар сердца.

— Я приношу не удар сердца, — сказал Ксанд. — Я приношу запись. Разберись с ней по порядку. Если запись ложна — отбрось. Если не ложна — передай наверх. Порядок, Тей. Только порядок.

Тей долго молчал. Потом сказал — тихо, человеческим голосом, каким говорят не писцы, а старики:

— Я передам. Но ты знаешь, что будет. Равноденствие — сорок девятый день. Совету колец будут читать свод всех наблюдений. Твоя строка попадёт в свод. И тогда у тебя попросят объяснение — не почему небо отстаёт. Почему ты.

— Почему я? — Ксанд не понял.

— Потому что тот, кто вносит в счёт невозможное, перестаёт быть счётчиком, — сказал Тей. — Это старое правило. Его записали до нас обоих. Оно умнее нас, Ксанд. Оно знало, что кто-то из нас однажды принесёт такую строку.

Совет колец собирался в Медном зале — в кольце, где вода и металл менялись местами: пол был медный, отполированный до вида стоячей воды, и лица членов совета лежали на нём вверх ногами, как отражения в канале. Ксанд знал этот зал с юности: он стоял здесь в двенадцать лет, когда деда призывали объяснить затмение, зашедшее не на тот час. Дед объяснил — и остался на стеле ещё на девятнадцать лет.

Сейчас в зале сидели девять — по числу колец, — и Ксанд стоял перед ними, не старея под взглядами только потому, что взглядами его не смотрели: смотрели на табличку, которую Тей держал обеими руками, как держат урну.

— Повтори, — сказал первый из девяти. Голос был медный, как пол.

— Нить, идущая через восточную щель, — сказал Ксанд, — дошла до гвоздя Быка с опозданием. Опоздание — один удар сердца. Я измерил четырежды. Разброс — доля удара.

— Может быть, у тебя сдвинулась нить, — сказал второй. Голос был моложе, и в нём было то, чего Ксанд не любил: жажда. — Нить трётся. Нить вытягивается. Нить знает влажность лучше, чем ты.

— Нить вытягивается равномерно, — ответил Ксанд. — Опоздание было бы на всём протяжении. Опоздание лежит только на последнем локте. Небо отстало не от нити. Небо отстало от гвоздя.

— То есть? — сказал третий, старший, и в его голосе была не жажда, а усталость. — Говори прямо, звёздочет. Ты сорок два года сидел на плите. Тебе положено говорить прямо.

Ксанд собрал всё, что сорок два года держал в себе, и сказал это впервые вслух — не в колодце, не в темноте, не ночному небу, — людям:

— Небо и земля разошлись. Небо идёт за землёй. Разрыв — сейчас в один удар сердца. Разрыв растёт. По моему счёту, через девять лет он станет равен полному отставанию всех небесных тел, — и тогда остров, который стоит на земле, ляжет под то, что не держит.

В Медном зале было так тихо, что Ксанд слышал, как на полировке дрожит его собственное отражение.

А потом зал засмеялся.

Не сразу — сначала сдержанно, как сдержанно смеются над стариком, — потом свободнее: второй из девяти смеялся открыто, третий кашлял в кулак, и лишь первый, медный голос, не смеялся. Он смотрел на Ксанда — и в его взгляде была не насмешка. Расчёт.

— Девять лет, — сказал первый. — Хорошее число. За девять лет можно построить второй флот, новый канал, десять медных верфей. А можно — убрать из обихода звёздочета, который вдруг начал предсказывать концы света. Скажи мне, Ксанд: кому может быть выгодна такая строка?

— Никто, — сказал Ксанд ровно. — Строку научило небо.

— Небо, — повторил первый. — Небо, которое мы кормим, о котором не просили, которое видели деды и внуки. Небо, которое не изменилось ни на ладонь за триста лет записи. — Он поднялся. — Я ставлю вопрос о помете. Ксанд, сын Аска, звёздный оракул Дома Неба, вносит в официальный счёт запись о том, чего не может быть. Против того, кто вносит невозможное, есть одна мера. Она записана. Она старше нас всех. Кто за?

Даны не было в зале. Но если бы она была, она бы услышала то же, что слышал Ксанд под полом Медного зала, глубоко, редким, терпеливым толчком, — как внизу, под городом, под медью, под водой, под всей записью, что-то отметило эту минуту. Внесло в свой счёт. Поставило на строку под именем Ксанда помету, которой ещё никто в Атлантиде не читал, потому что помета была из будущего:

«Слышит. Осталось девять».

— За, — сказал второй.

— За, — сказал третий.

И дальше — по кругу, девять голосов, девять «за», — и на каждом «за» Ксанд слышал, как под полом толкает: толчок. Дыхание. Толчок. Дыхание. Оно слушало совет. Оно всегда слушало совет — потому что совет был органом счёта, а счёт был его пищей.

Первый из девяти опустил руку.

— Стела, — сказал он.

Стела звёздочетов стояла у входа в Дом Неба — и Ксанд каждый день проходил мимо неё сорок два года, всегда на одну и ту же треть быстрее, чем проходили остальные, потому что на третьей строке сверху стояло его имя и он не любил смотреть на своё имя при жизни: так смотрят на свою гробницу, из-под которой ещё не вышли.

Теперь он смотрел.

Рядом со стелой стояли двое — не стража, не писцы: люди в простых плащах, с неприметными лицами, и у одного в руках была медная скребница. Такую берут не для камня. Такую берут для того, что в камне было сорок лет.

— Ксанд, сын Аска, — сказал один без всякого выражения. — По постановлению совета колец. Имя снимается при живом носящем.

— Я знаю порядок, — сказал Ксанд. — Я присутствовал при снятии один раз. Мне было двадцать три. Снимали навигатора, который провёл флот в утёсы. Я тогда думал, что это жестокость.

— Это не жестокость, — сказал человек ровно. — Это счёт.

Скребница пошла по камню.

Ксанд стоял и слушал, как выходит из известняка его имя — шорох, слог за слогом, — и в этом шорохе не было ничего человеческого, кроме рук, которые его делали. Звук шёл ровный, терпеливый, счётный, — и Ксанд, который сорок два года слушал небо, впервые понял, почему его звали оракулом и почему он до сих пор не стар: он стоял под небом, которое молчало сорок два года, — и теперь молчание это имело лицо. Лицо было под полом Медного зала. Лицо скребло стелу.

На середине третьей строки он сделал то, чего не делал никто из снимаемых: положил ладонь на стелу — на то место, где стояло имя.

Камень был тёплый.

— Ты слышишь, — сказал он не людям в плащах. Вниз. Под землю. — Ты слышал совет. Ты слышал, как скребут. Отвечай мне на один вопрос, и я уйду молча, и не буду больше вносить никаких таблиц. Один вопрос: тот, кто снимает имена, — он снимает и небо?

И под ладонью — редкий, сонный, терпеливый — толкнуло. Не в такт сердцу. В такт скребнице.

Ксанд убрал руку.

Имя вышло из камня до конца. Пустота на третьей строке была гладкая, старательная, без стружки, — как выемка на семейной стеле вдовы кормчего, только та была в Кносе, а эта — здесь, за океаном, и Ксанд никогда не узнает, что две выемки сделаны одной рукой и одним инструментом, — и люди в плащах ушли, не оглянувшись, потому что им больше нечего было здесь делать: при живом носящем имя снимается один раз.

Ксанд стоял перед стелой без имени.

Он был теперь — Ксанд, сын Аска, звёздный оракул Дома Неба, — и никто. Люди проходили мимо и не видели его, и не потому, что не хотели: потому что без имени человек выпадает из направленного взгляда, как выпадает из счёта строка без числа. Старый знакомый писец прошёл в двух шагах и не поднял глаз. Ученик, которого Ксанд учил резцу, прошёл и не поклонился. Так не бывает на триста лет записанных островах — и было.

А небо над ним было то же — и, кажется, чуть-чуть запаздывало.

Ксанд пошёл вниз, к колодцу, — и на повороте, на границе между светом и тьмой, его догнала дочь.

Дана. Навигатор. Женщина, которая провела через океан одиннадцать флотов и не потеряла ни одного корабля, — женщина, у которой в руках была бумага, а в бумаге — его таблицы, снятые со счёта старшего писца ещё утром, до совета.

— Отец, — сказала она. — Я проверила.

Ксанд не спросил что. Он знал, что. Он стоял и смотрел, как дочь навигатора, женщина, которая умеет держать курс между скал, держит в руках табличку с одной строкой — и по тому, как она её держит, он понимал: она нашла ту же ошибку. Один удар сердца. Растущий.

— Значит, я не безумец, — сказал он.

— Ты хуже, — сказала Дана. — Безумца бы сняли со стелы и забыли. А тебя сняли со стелы и помнят. Это значит, что ты опасен — и что до конца девяти лет тебе будут мешать не чужие руки. Свои. — Она сложила табличку и сунула за пазуху, движением человека, который прячет не бумагу — вертикаль. — У меня есть одиннадцать флотов и ни одного пути, который ведёт вниз. Но у меня есть ты. Пойдём, отец. Будем считать у колодца. Пока счётчик без имени — это единственный счётчик, которого нельзя выключить строкой.

И Ксанд пошёл за дочерью — вниз, к воде, к колодцу, к темноте, — и впервые за сорок два года хотел не смотреть на небо, а смотреть на землю.

Потому что землю уже начали снимать.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ОДИННАДЦАТЬ ФЛОТОВ

У колодца было холоднее, чем у неба, — и это была первая странность, которую Дана заметила за много лет.

Колодец стоял в Нижнем городе, в кольце воды, куда не ходили караваны и куда не вели рабов: колодец Оракула был старше всех десяти колец Атлантиды, и никто не помнил, кто его выкопал. Спуск был каменный, витой, семьдесят три ступени, — Дана знала счёт с детства, потому что отец заставлял её считать ступени вслух, а вслух считает тот, кого учат слушать не себя. На семидесятой ступени воздух менялся: становился плотнее, тише, суше — так меняется воздух не под землёй, а под небом, только перевёрнутым. Там, внизу, не было звёзд. Там было то, что слушает звёзды.

Ксанд разложил свои таблицы на нижней площадке — на камне, вычищенном поколениями оракулов до гладкости тёмного хлеба.

— Смотри, — сказал он и положил ладонь не на таблицу — на камень. — Сначала это. Потом таблицы. Дочь, ты проверила мою строку и нашла ту же ошибку. Теперь я хочу знать, что нашла ты, когда искала не ошибку, а причину.

Дана опустилась рядом — навигатор садится, как садятся на палубе: собранно, с опорой под себя, готовая к качке.

— Я искала не причину, — сказала она. — Я искала второй счёт.

— Второй счёт?

— У тебя один. Нить, гвоздь, опоздание. Один счёт — это голос. Мне нужны были двое. — Она достала из-за пазухи не табличку — две. И третью, засаленную, с другими цифрами, с чужим почерком. — В гавани, на третьем пирсе, живёт старик по имени Метр. Он не звёздочет. Он навигационный писец сорок лет назад — теперь он считает приливы. Приливы, отец. Воду. Я пришла к нему и спросила одну вещь: за последние годы вода на острове меняла ли свои сроки? Не уровень — сроки. Прилив, который приходил в свой час, — приходил ли в свой час?

Ксанд молчал. Он уже знал ответ — по тому, как дрожала третья таблица в её руках.

— Прилив опаздывает, — сказала Дана. — На одну десятую удара сердца в месяц. Растёт так же, как твоё опоздание, — только в другой стороне счёта. Ты считал небо. Метр считает воду. И небо, и вода отстают — одинаково, до десятой доли, если привести к одной мере. Отец. Небо и вода не разошлись с землёй. Небо и вода разошлись с… — она не договорила. Не потому, что не знала слова. Потому что слово было страшное.

— С основанием, — сказал Ксанд вместо неё.

Дана кивнула.

— Остров лежит не на земле. Остров лежит на основании — на том, что держит остров, как держат чашу. И основание опаздывает. Не движется, не качается — опаздывает. Всё, что держится на нём, идёт по-прежнему. А само оно уже отстаёт. Вначале на удар сердца. Теперь — на два.

— Ты пересчитала мой срок, — сказал Ксанд. Это был не вопрос.

— Я пересчитала. — Дана положила третью таблицу на камень между ними — примирительно, как кладут между врагами оружие. — При твоей мере разрыв растёт в месяц на десятую долю. По линейному счёту — девять лет до полного отставания, ты прав. Но разрыв не линейный, отец. Он растёт с ускорением. Я посчитала по приливу Метра, где накоплено сорок лет наблюдений, — и у меня вышло не девять лет.

Сколько — Ксанд спросил не сразу. Он был оракул: он умел ждать числа, как ждут смерти.

— Шесть, — сказала Дана. — Шесть лет и три месяца. Может, чуть меньше. Если основание дальше ускорится — меньше.

Под камнем площадки — глубоко, редко, терпеливо — толкнуло.

Толчок. Дыхание. Толчок. Дыхание.

Оба слышали. Это не было новостью для Ксанда — он слушал колодец сорок два года. Это было новостью для Даны: она замерла, положила ладонь рядом с ладонью отца и слушала — впервые, как слушает тот, кто всю жизнь слушал ветер и волны и вдруг услышал не их.

— Оно совпадает с приливом, — прошептала она. — Отец… оно бьётся в такт приливу.

— Оно бьётся в такт приливу, — согласился Ксанд, — потому что прилив и есть его дыхание. Не наоборот, дочь. Не оно подражает воде. Вода подражает ему. — Он посмотрел на неё в темноте. — В Атлантиде считают, что остров стоит на скале, скала — на камне, камень — на бедрах мира. Это сказка для детей. Остров стоит на нём. На том, что дышит под камнем. Деды называли его Осадкой — и клали ему первый улов, и первый медный слиток, и первое имя каждой стелы. Потом потомки забыли — не забыли: переписали. Так, чтобы осталось удобнее. Чтобы основание было камнем. Камень не надо кормить. Камень не надо называть по имени. Камень нельзя оскорбить вопросом.

— А его можно?

— Его можно. Вопрос — это то, чего оно не слышало триста лет. Я задал первый вопрос сорок два года назад: сколько осталось? — Ксанд помолчал. — С тех пор считаю его молчание. Дана. Ты привела два счёта. Я скажу тебе, что они означают вместе, — а ты решишь, что делать, потому что у тебя есть то, чего нет у меня: одиннадцать флотов.

Он положил ладонь на третью таблицу — на сорок лет приливов.

— Основание опаздывает, потому что оно засыпает. Не умирает — засыпает. Всякий счёт, который идёт в нём, замедляется: толчок реже, дыхание длиннее, прилив позже. Держать чашу можно и во сне — недолго. Потом рука разжимается, и чаша падает. Вопрос не в том, когда оно заснёт до конца. Вопрос в том, чем мы будем, когда рука разожмётся. Острову не нужен приказ покинуть дом. Острову нужен путь. И путь есть только у одного человека на острове.

Навигаторов Дана собирала не в залах — в гавани.

Это была её манера с первого года: совещание по делу о воде нельзя вести в Медном зале, где пол лежит зеркалом и лица отражаются вверх ногами. Она собрала одиннадцать кормчих — своих, флотовых, старых — на пирсе третьего причала, где сушили сети и где запах смолы заглушал страх. Села на кнехт. Сказала:

— Считать.

И они считали.

Кормчие — люди, которые не верят никому, кроме волн, — были её расчётом против Совета: у Совета были звонки и медь, у неё были люди, которых она одиннадцать раз приводила домой. Дана раздала им копии таблиц Метра — приливы за сорок лет, — и одиннадцать кормчих сорок дней сидели по своим домам, сводя сроки воды со сроками звёзд, которых знали наизусть по ночным выходам. Сорок дней. Потом пришли.

Всё сошлось. Вода отставала. Небо отставало. На одну и ту же долю.

И тогда Дана сказала им то, что запретил себе говорить отцу:

— Есть остров на краю счёта. Я видела его краем глаза из-за пеленки в южный шторм — одиннадцать лет назад. Тогда я записала его в бортовой журнал, потом вычеркнула, потому что камеры не было, а обещать землю без камеры — значит кормить матросов пустотой. Земля была. На западе. За неделю ходу от южной пеленки. — Она смотрела в одиннадцать лиц. — Флот не может идти за землю, которой нет в камере. Камера не утвердит курс. Совет не даст меди, воды, хлеба на такой выход. Но одиннадцать флотов имеют друг друга. Если каждый из вас выйдет «на рыбный промысел», в разные дни, разными боками, — а в назначенный день сойдётся на пеленке, которую я дам каждому в закрытой вкладке, — то через семь дней одиннадцать флотов встанут там, где по счёту не может быть земли. И если земли не будет —

мы разойдёмся и вернёмся «с пустым промыслом». И если будет — вы возьмёте воду, и мы будем знать то, чего не знает Совет: есть куда.

Одиннадцать кормчих молчали.

Молчание это было не согласие и не отказ — это было счёт: каждый считал своё — риск, семью, стелу, имя. Первым нарушил молчание старый кормчий четвёртого флота, Некк, тридцать лет ходивший с Даной. Он сказал не ей — всем:

— Одиннадцать флотов ведёт одна навигатор. Одиннадцать домов имеют одиннадцать семей. Если навигатор ведёт не в одну воду — она ведёт во все воды. — Он посмотрел на Дану. — Мой отец снял своё имя со стелы, когда Совет вычеркнул его из счёта за отказ выйти в неудачный год. Я не снял. Я хочу, чтобы, когда меня снимут, — а меня снимут, — на стеле внизу осталась строка. «Вышел в воду, которой не было в камере. Вернулся не с пустым промыслом». Я за.

— Я за, — сказал второй.

— Я за, — сказал третий.

И так — одиннадцать «за», и на последнем, двенадцатом «за», Дана поняла, что она уже не навигатор: она заговор. А заговор в Атлантиде не выходит на стелу — заговор выходит на воду.

Ксанд узнал об этом от дочери — вечером, у колодца, на семидесятой ступени, на границе между светом и тьмой.

Он слушал её — и понимал, что она сделала то, чего он не смел: она пошла не к власти, а к людям. Оракул поднимает строки. Навигатор поднимает флоты. Каждому — своё ремесло.

— Отец, — сказала она, когда закончила, — тебе нужно последнее. Я дам флоты и путь. Ты должен дать им то, чего не дам я, — меру. Ты единственный на острове считаешь разрыв. Флотам нужно знать не курс. Флотам нужно знать срок. Когда выходить?

— Не когда, — сказал Ксанд. — Сколько.

— Что?

— Срок считается не от года. Срок считается от удара. Основание опаздывает нелинейно: за месяц — десятая, за два — четвёртая, за год — половина. Через год разрыв будет равен целому удару сердца. Через два — двум. И тогда начнётся то, что мы назовём «последним опозданием»: небо и вода отстанут от земли на столько, что прилив придёт в чужой день. — Он взял её руку и положил ладонью на камень ступени. — Слушай, дочь. Слушай и считай. Я хочу, чтобы ты несла меру не в таблице. В себе. Как я ношу удар своего сердца.

Дана слушала.

И под ладонью — глубоко, редко, в такт приливу, в такт всему, что держало остров, — толкнуло. Толчок. Дыхание. Толчок. Дыхание.

— Слышишь? — сказал Ксанд. — Считай с ним. Каждый день. Один удар — во сколько тебе встаёт прилив. Два — во сколько заходит. Три — в полночь. Когда насчитаешь разрыв в одиннадцать ударов — выходи. Одиннадцать — потому что одиннадцать флотов, и потому что одиннадцать ударов — это то, что я уже не смогу посчитать сам: моё сердце не выдержит ночи такой длины.

— Отец. — Дана сжала его руку. — Ты говоришь так, как говорят завещание.

— Я говорю так, как говорят меру, — ответил Ксанд. — Мера и завещание — это одно и то же для того, кто передаёт счёт. Дана. Слушай меня. Когда я умру — а я умру раньше срока, потому что оракулы умирают раньше тех, кого предупреждают: так устроено ремесло, — ты будешь мерой. Ты будешь тем, кто считает удары. И если в назначенный день ты насчитаешь одиннадцать — а флоты не выйдут, потому что Совет перекроет медь, воду, хлеб, — ты выйдешь одна. На одном корабле. И будешь ходить в ту пеленку всю жизнь, если понадобится, — потому что путь, который проложен в одиночку, не сохраняется в камере. Он сохраняется в человеке.

Дана стояла и слушала — и у неё дрожали руки.

Она была навигатор одиннадцати флотов. Она не дрожала ни в штормах, ни перед Советом. Она дрожала сейчас — потому что отец впервые в жизни сказал ей о своей смерти не как о счёте. Как о часе.

— Хорошо, — сказала она.

И под камнем — глубоко, редко, терпеливо — толкнуло: в такт. Толчок. Дыхание. Толчок. Дыхание.

Оно слушало. Оно всегда слушало. Оно внесло в свой счёт ещё одну строку — и на строке этой, под именем Даны, стояла помета, которую она прочтёт через шесть лет — на выходе, на носу флагмана, на развилке, у которой не было названий:

«Одиннадцать. Идёт в счёт. Осталось — пять».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. МЕДНЫЙ ГОЛОС

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.